

Корш Федор Евгеньевич

Римская элегия и романтизм

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Евгеньевич К.**
Римская элегия и романтизм / Корш Федор Евгеньевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
114 с.

ISBN 978-5-519-90544-2

ISBN 978-5-519-90544-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тельности, однако съ нею не смѣшиваясь и не подавляя дѣятельности ихъ ума. Мечтатель — галлюцинаторъ подчиняется своимъ грезамъ, художникъ держитъ ихъ въ своей власти и потому можетъ воспроизвести ихъ средствами своего искусства. Между мечтателями и поэтами, какъ и между любыми двумя однородными явленіями, есть много переходныхъ звеньевъ, но несомнѣнно то, что и самые отчаянные мистики между поэтами, если они въ самомъ дѣлѣ поэты, умѣютъ подчинять свои грезы мыслительной силѣ, по крайней мѣрѣ, настолько, что могутъ ихъ выразить болѣе или менѣе опредѣленными образами. Потому-то памятниками любви являются искусства, изображающія человека съ его физической или духовной стороны, преимущественно поэзія, которая обращается непосредственно къ разуму и лишь черезъ него вводитъ насъ въ тайны чужого чувства.

Изучая поэзію разныхъ народовъ и разныхъ временъ, мы замѣчаемъ, что любовь не всегда и не вездѣ была одинакова: измѣнялись и ея объемъ и характеръ, да и самое мѣсто, занимаемое ею въ жизни, бывало различно. Такъ въ древности она далеко не играла той роли, которую предоставили ей средніе вѣка, у Персовъ она была не такова, какъ у Арабовъ и т. д. Но историческій обзоръ проявленій этого общечеловѣческаго чувства въ отношеніи къ различнымъ объектамъ есть задача будущаго. Мы ограничимся однимъ племенемъ, Римлянами, и одной эпохой, первымъ вѣкомъ до Р. Х., когда въ Римѣ появилась эротическая поэзія, и еще внутри этихъ предѣловъ займемся изученіемъ именно тѣхъ поэтовъ, которые вдохновлялись преимущественно любовью въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Таковы были Катувль, Тибуллъ и Проперцій, составляющіе какъ-бы триумvirатъ въ *Trionfo*

d'Amore Петрарки (IV 22—24), въ воображеніи любителей римской литературы и въ изданіяхъ, въ которыхъ до послѣд-
няго времени ихъ разлучала только обшпирность коммента-
рія какого-нибудь ученаго къ одному изъ нихъ. Эти три
поэта объединяются именемъ элегиковъ, которое раздѣляетъ
съ ними Овидій; но онъ писалъ не одни эротическія сти-
хотворенія и, что важнѣе, отличается отъ другихъ элеги-
ковъ очевидной вымышленностью отношеній, воспѣваемыхъ
въ его Amores. Правда, и Катүүлъ не исключительно
эротикъ и еще менѣе элегикъ (въ древнемъ значеніи этого
слова), но среди римскихъ и вообще древнихъ пѣвцевъ
любви онъ занимаетъ выдающееся и, какъ увидимъ ниже,
особое мѣсто.

Римская элегія примыкаетъ по своему происхожденію
къ александрійской, которая въ свою очередь возникла
изъ подражанія древнѣйшимъ образцамъ, преимущественно
Антимаху изъ Колофона, жившему въ V в. до Р. X., от-
части Мимнерму оттуда-же, современнику Солона. Кромѣ
того на эротическую элегію Грековъ вообще, вѣроятно,
имѣли извѣстное вліяніе нѣкоторые чистые лирики, осо-
бенно Сапфо. Но, къ сожалѣнію, почти всѣ эти произве-
денія пропали, почему въ своихъ сужденіяхъ о любви
у Грековъ мы должны быть осторожны. Впрочемъ, на-
сколько возможно судить по сохранившимся остаткамъ гре-
ческой любовной поэзіи, любовь эпохи процвѣтанія ли-
рики среди малоазіатскихъ и островныхъ Грековъ была
невысокаго полета: хотя напр. въ стихахъ Сапфо въ са-
момъ дѣлѣ еще дышитъ любовь и жива страсть, вложен-
ныя въ нихъ, какъ говоритъ Гораций ²⁾, но за этой жгу-

²⁾ С. IV, 9, 10 слѣд:

spirat adhuc amor
Vivuntque commissi calores
Aeoliae fidibus puellae.

честью чувства не замѣчается ничего идеальнаго. Да и самую эту страстность оцѣнить надлежащимъ образомъ лишь такой читатель, который привыкъ переводить не только слова и даже не только мысли, но и скрытыя за ними ощущенія на языкъ своихъ ощущеній, а человекъ непосвященный, если и не найдетъ эту поэзію холодной, то легко можетъ обвинить ее въ сухости и поставить внушившее стихи чувство значительно ниже въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ надлежитъ по смыслу, который авторъ имѣлъ въ виду. Вотъ для образца, въ переводѣ, припоровленномъ къ современнымъ вкусамъ, но отчасти все-таки, можетъ быть, чрезмѣрно близкомъ, стихотвореніе Сапфо, переведенное и Катулломъ (чѣмъ и оправдывается помѣщеніе этой оды здѣсь):

По мнѣ, тотъ не смертный, а богъ безмятежный,
Кто можетъ спокойно сидѣть предъ тобой
И слушать твой голосъ плѣнительно-нѣжный
И смѣхъ восхитительный твой.

Отъ этого счастья въ предвѣдѣннѣ муки
Мнѣ душу тѣснить ужъ испытанный страхъ..
Едва лишь увижу тебя я, какъ звучи..
Въ моихъ замирають устахъ,

Языкъ мой нѣмѣетъ, въ крови моей пышутъ
Бѣгучими искрами струйки огня,
Въ глазахъ лишь потемки, и уши не слышатъ,
Немолчнымъ прибоемъ звеня:

Сбѣгають дождемъ съ меня юта росники,
И трепетъ холодный по членамъ идетъ:
Блѣднѣй становлюсь я изсохшей былинки.
И чую ужъ смерти полеть.

Какъ ни обѣлай Сапфо Вилламовицъ фонъ-Мѣллендорфъ, одинъ изъ лучшихъ филологовъ нашего времени, трудно найти въ этихъ стихахъ чувство, хоть сколько-нибудь воз-

вышенное; но съ другой стороны нельзя не признать живости изображаемой ими картины. Впрочемъ къ любви въ древнѣйшей поэзіи Грековъ мы возвратимся ниже. Объ элегіяхъ Антимаха и Александрійцевъ мы знаемъ почти одно то, что онѣ были начинены всякой ученостью, особенно миѳологической, а въ общемъ приходится составлять себѣ о нихъ понятіе по римскимъ подражаніямъ, близость которыхъ къ образцамъ мы не можемъ провѣрить. Александрійскіе элегики, какъ Филетъ, Каллимахъ, Эвфорионъ, были ученые и притомъ придворные эпохи упадка. По этимъ даннымъ мы въ правѣ предполагать, что ихъ любовныя стихотворенія отличались искусственностью (что мы и знаемъ), вылощенностью и сентиментальностью. На сколько искренни были воспѣтыя ими привязанности, и на сколько тепло онѣ были воспѣты, намъ неизвѣстно; но изъ того, что такіе серьезные и уважаемые люди усердно предавались этому роду поэзіи, естественно заключить, что на такія стихотворенія, а слѣдовательно—и на соотвѣтствующія имъ чувства въ тогдашней Александріи была мода. Недаромъ въ тѣхъ-же кругахъ развилась идиллія,— правда, не такая чувствительная, какъ у госпожи Дезульеръ, Геснера или Карамзина, но все-же показывающая стремленіе къ простымъ чувствамъ въ противоположность высокаторжественнымъ: и у насъ идиллія появилась о-бокъ съ сентиментализмомъ, а во Франціи одновременно съ «эклогой» пользовались большой популярностью чувствительные романы съ дѣйствующими лицами изъ древней исторіи — затѣя прямо въ александрійскомъ вкусѣ.

Во второй половинѣ I в. до Р. Х. мы находимъ идиллію и въ Италіи, гдѣ Вергилій началъ свое поэтическое поприще подражаніями Теоокриту. Но александрійское на-

правление обнаружилось въ Римѣ еще раньше, особенно среди того кружка молодежи, которому Цицеронъ давалъ презрительную кличку «пѣвцевъ Эвфоріона». Цицеронъ и самъ былъ не чуждъ вліянія Александрійцевъ, но изъ нихъ онъ уважалъ поэта-астронома Арата, котораго и переводилъ въ молодости, не унижая своей римской важности легкомысленными любовными стишками, тогда какъ въ программѣ занятій упомянутаго кружка именно этому роду поэзіи было отведено видное мѣсто. Вражда Цицерона къ новому направленію была тѣмъ сильнѣе, что въ то время, давно оставивъ Арата, онъ, какъ приверженецъ старины, превозносилъ прежнихъ поэтовъ, въ особенности Эннія, а «пѣвцы Эвфоріона» не чувствовали къ нимъ никакого почтенія. Почему Цицеронъ и эти юноши такъ рѣзко расходились во вкусахъ, легко понять: послѣдніе, будучи лѣтъ на двадцать моложе его, принадлежали уже къ другому поколѣнію, а эта разница, никогда не лишенная значенія, оказывается особенно сильна въ такія критическія эпохи, какъ та, которую переживало тогда Римское государство.

Въ древнѣйшемъ Римѣ женщина пользовалась несомнѣннымъ почетомъ, но только какъ мать семейства и домохозяйка, а не сама по себѣ, не просто какъ носительница извѣстныхъ качествъ, чуждыхъ, но привлекательныхъ мужчинѣ. Согласно съ такимъ взглядомъ она рѣдко появлялась въ мужскомъ обществѣ, и объ ухаживаніи за благородной дѣвушкой или женщиной не могло быть и рѣчи. Но уже во второй четверти I в. до Р. Х., отчасти вслѣдствіе общаго разложенія стариннаго римскаго быта, отчасти подъ вліяніемъ греческихъ понятій и нравовъ, также распущенныхъ, но плѣнительныхъ своимъ изяществомъ и утонченностью, женщины высшихъ слоевъ рим-

скаго общества, не довольствуясь прежнимъ своимъ положеніемъ, почетнымъ, но скромнымъ, стали все болѣе стремиться къ блестящей роли въ свѣтѣ, среди мужчинъ, опередившихъ ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ превращеніи изъ суровыхъ потомковъ Ромула въ любезныхъ и фразероватыхъ подражателей греческимъ образцамъ времени упадка. И вотъ къ тому времени, когда Катулль, едва переступивъ предѣлы отроческаго возраста, прибылъ изъ своего родного города, Вероны, въ Римъ, въ великосвѣтскихъ кругахъ столицы собирали кругомъ себя поклонниковъ такіа дамы, какъ описанная Саллустіемъ Семпронія ³⁾, знакомая съ греческой и латинской литературой, умѣющая играть на лирѣ и, что ужъ совсѣмъ не соответствовало римскимъ понятіямъ о приличіи, искусная въ танцахъ болѣе, «чѣмъ пужно порядочной женщинѣ» ⁴⁾; и сверхъ того обладающая многими другими искусствами; служащими удовлетворенію потребностей роскошнаго образа жизни ⁵⁾. Къ этимъ приманкамъ, такъ сказать, благопріобрѣтеннымъ, присоединялись и прирожденные—красивая наружность и разнообразныя способности: она умѣла сочинять стихи, вести шутливую бесѣду, говорить, смотря по надобности, скромно или въ соблазнительномъ тонѣ и даже въ безстыдно-вызывающемъ, и «вообще въ ней было много остроумія и много привлекательной живости ума» ⁶⁾. Въ томъ-же родѣ, хотя, по видимому, менѣе даровита, была возлюбленная, а потомъ жена Катилины, Аврелія Орестилла, въ которой, какъ выражается Саллустій, путный человѣкъ не признавалъ никогда никакого достоинства

³⁾ Catil. 25.

⁴⁾ saltare elegantius quam necesse est probae.

⁵⁾ multa alia, quae instrumenta luxuriae sunt.

⁶⁾ prorsus multae facetiae multusque lepos inerat.

крѣмъ красоты⁷⁾. Достойной соперницей Семпроніи какъ въ прелестяхъ, такъ и въ безпирравотвенности была Клодія, сестра знаменитаго, хоть и не съ выгодной стороны, плебейскаго трибуна Клодія, жена родовитаго и заслуженнаго Квинта Метелла Целера, почтеннаго государственнаго дѣятеля; впрочемъ скучнаго на взглядъ не только молодой и бойкой красавицы, но и степеннаго и уже далеко не юнаго Циндерона, который свое впечатлѣніе отъ бесѣды съ супругомъ «волооккой» (βωλοκῆς), какъ онъ величаетъ Клодію⁸⁾, увѣковѣчилъ выраженіемъ «чистая пустыня»⁹⁾. Было время, когда Лукреція не могла пережить своего невольнаго позора, и когда Билія, жена Дуилия, не обращала вниманія на непріятный запахъ изъ рта славнаго адмирала, потому что считала это свойство своего супруга неотъемлемымъ достояніемъ всѣхъ мужчинъ; и вдругъ (хоть на самомъ дѣлѣ, конечно, не вдругъ) на мѣстѣ этихъ образцовыхъ женъ мы находимъ великосвѣтскихъ львицъ, которыя не только хорошо знаютъ, что слабости ихъ мужей совсѣмъ не обязательны другимъ мужчинамъ, и въ томъ, что прежде считалось несмываемымъ позоромъ, видятъ простое развлеченіе, но и вмѣшиваются въ политическія интриги. Изъ-подъ прежняго почти безразличнаго типа матроны быстро и рѣшительно вытѣнула личность. Случилось это въ Римѣ, къ сожалѣнію, въ такую эпоху, когда индивидуализація должна была вызывать на свѣтъ по большей части не лучшія свойства человеческой природы; но личность, если она состоитъ не изъ однихъ отталкивающихъ чертъ (что впрочемъ встрѣ-

⁷⁾ Ib. 15: cuius praeter formam nihil unquam bonus laudavit.

⁸⁾ Относящіяся сюда цитаты собраны въ книгѣ Вестфалъ Catulls' Gedichte im historischen Zusammenhang übersetzt (Breslau 1867).

⁹⁾ mera solitudo.

чается гораздо чаще въ старинныхъ романахъ, чѣмъ въ дѣйствительности), дѣйствуетъ несравненно обаятельнѣе, чѣмъ расплывчатая, неопредѣлимая, плохо запоминаемая фигура «одного изъ многихъ», будь даже эти многіе всѣ, какъ на подборъ, писанные красавцы и двуногія добродѣтели. Да, въ послѣдніе годы республики почва для эротической поэзіи въ Римѣ безспорно была на лицо.

Катуллъ, попавъ по приѣздѣ въ Римъ въ кружокъ свѣтскихъ молодыхъ людей, скоро очутился въ той изящной и одуряющей сферѣ, въ которой блистали болѣе или менѣе знатныя очаровательницы. Здѣсь онъ встрѣтилъ ту, которая скоро заставила его забыть всѣ прежнія увлеченія и беззаботную жизнь такъ называемой золотой (вѣрнѣе: золоченой) молодежи. Женщину, внушившую ему ту любовь, которая обезсмертила ихъ обоихъ, онъ называетъ въ своихъ стихотвореніяхъ Лезбіей, но, по свидѣтельству Апулея, подлинное имя ея было Клодія. Этого имени, упоминанія ея далекаго мужа, также Целія и Лезбія, т. е., очевидно, Клодія, времени, въ которое жила Лезбія, и ея образа жизни довольно для того, чтобы отождествить ее съ названной выше Клодіей, извѣстной изъ трагедіи Цицерона и еще болѣе—изъ его рѣчи въ защиту Катонина, одного изъ многихъ ея возлюбленныхъ, а потому враговъ, какъ отчасти и самъ Катуллъ. Клодія была значительно старше Катулла, но еще болѣе превосходила его опытностью. Весьма вѣроятно, что обаяніемъ своей красоты, образованія, остроумія, находчивости, изящныхъ манеръ и тонкаго кокетства она сразу заполонила сердце наивнаго юноши, не выдавашаго въ своей Веронѣ такой неотразимо прелестной женщины. Благодаря необыкновенной искренности Катулла, составляющей одну изъ привлекательнѣйшихъ чертъ его поэзіи, мы могли бы

прослѣдить исторію его любви почти шагъ за шагомъ, если бы героиня ея не измѣняла ему часто и послѣ каждой измѣны, о которой ему удавалось узнавать, не умѣла въ теченіе долгаго времени приобрѣтать снова его расположение до новаго доказательства своего непостоянства: понятно, что трудно возстановить послѣдовательность этихъ нарушеній вѣрности съ одной стороны и выраженій горя и потомъ отчаянія и разочарованія съ другой ¹⁰⁾.

Рая блаженство, смертельна скорбь ¹¹⁾,

накъ говоритъ Гёте, — всѣ эти переходы отразились въ поэзіи Катулла съ удивительной яркостью. Рядъ его стихотвореній къ предмету его поклоненія, тогда еще казавшемуся недостижимымъ, открылся, вѣроятно, переложеніемъ той оды Сапфо, усиленный переводъ которой представленъ выше. Можетъ быть, въ связи съ источникомъ этого перваго обращенія Катулла къ Клодіи состоитъ и придуманный имъ для нея псевдонимъ *Lesbia* (Лезбіянка, каковой была и Сапфо), которымъ онъ воспользовался уже въ этомъ переводѣ, передѣлавъ стихи

Едва лишь увижу тебя я, какъ звуки

Въ моихъ замирають устахъ

такимъ образомъ:

Тебя лишь увижу, о Лезбія,

¹⁰⁾ Остроумныя попытки хронологіи стихотвореній Катулла представляютъ собою глава XV превосходнаго сочиненія Лудвига Швабе *Quaestionum Catullianarum liber I* (G. Valeri Catulli liber. Voluminis prioris pars prior. Gissae MDCCCLXII), книга Вестфала, упомянутая въ примѣч. 8, и его переводъ *Catulls Buch der Lieder* (Leipzig 1884), при которомъ *Erläuterungen* лишь повторяютъ вкратцѣ ея содержаніе. Люціанъ Мюллеръ въ предисловіи къ своему изданію Катулла (р. XI) называетъ первую книгу Вестфала романомъ (*fabula Milesia*); да чѣмъ же, какъ не романомъ, и быть изслѣдованію, посвященному выясненію романа при помощи данныхъ не только историческихъ, но и психологическихъ? У Вестфала порядокъ стихотвореній нѣсколько отличенъ отъ того, который принятъ въ настоящемъ изслѣдованіи.

¹¹⁾ *Himmelhoch jauchzend, zu Tode betrübt.*

и т. д. Кромѣ того послѣдняя строфа подлинника замѣнена слѣдующей, которая въ этой связи такъ неожиданна, что кажется нѣкоторымъ толкователямъ отрывкомъ какого-нибудь другого стихотворенія:

Покой—вотъ, Катулль, твоей скуки разгадка;
Покою ты предашь, не зная границъ;
Покой былъ и древле причиной унадка
Царей и цвѣтущихъ столицъ.

Этотъ переводъ могъ возникнуть еще тогда, когда Катулль видалъ свою Лезбію только у общихъ знакомыхъ. Но вотъ стихотвореніе, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что Катулль уже сталъ посѣщать Лезбію въ качествѣ робкаго, но восторженнаго гостя, которому всякая мелочь въ обстановкѣ хозяйки представляется очаровательной:

2.

Воробей, моей милой забава,
Какъ играть она любитъ съ тобой!
Къ груди жметъ и свой пальчикъ лукаво
Предаетъ, вызывая на бой.

Этой шуткой предметъ моей муки,
Словно грезу въ душѣ затаивъ,
Гонить приступъ тоски или скуки
Иль—какъ знать?—не любви ли порывъ?

О, когда бы мнѣ было возможно,
Какъ она, развлекаясь тобой,
Въ это сердце, что бьется тревожно,
Возвращать хотъ на время покой!

Это подозрѣніе Катулла было справедливо въ томъ смыслѣ, что онъ сталъ не безразличенъ для своей очаровательницы: она обратила на него вниманіе, какъ на поклонника, заслуживающаго большей близости,—той бли-